

Научная статья

JEL: K33

УДК: 341. 9

DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.87.117

Судебная адаптация международных коммерческих контрактов: зарубежные подходы и российские перспективы

Ольга Владимировна Фонотова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20,

ofonotova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2255-9684>

Аннотация

Механизм адаптации коммерческого контракта, предусмотренный в международном коммерческом праве, позволяет суду в исключительных случаях вносить изменения в условия договора при возникновении затруднений, в значительной степени затрагивающих его исполнение. Примером таких обстоятельств служат односторонние санкционные ограничения, повлиявшие на международные контракты с участием российских коммерсантов. Цель исследования — выявить основные модели адаптации договора судом при применении института затруднений в международной и зарубежной практике и сравнить их с российским подходом. Для этого были последовательно решены следующие задачи: актуализирована концепция адаптации международного контракта, проведено сравнение новейших подходов к судебному вмешательству в договор в основных зарубежных правовых порядках (страны общего права, Франция и Германия), выявлены правовые основания для изменения договора судом в российском законодательстве и рассмотрена актуальная отечественная правоприменительная практика. Получению результатов способствовало применение сравнительно-правового инструментария с преобладанием функционализма. Судебное вмешательство в контракт является исключительной мерой и допустимо в международном обороте при наличии достаточных оснований (в частности, предусмотренных в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА). Основной подход ориентирован на

приоритет сохранения договорной связи по отношению к прекращению договора судом. Во внутреннем деловом обороте данная мера рассматривается законодателем как экстраординарная (Франция), либо судебное вмешательство вовсе не допускается национальным правом (Великобритания). Однако некоторые порядки (Германия) занимают позицию, близкую к международному коммерческому праву, на законодательном уровне оставляя суду широкие возможности адаптации коммерческого договора. В российской практике подход судов традиционно отличался от международного стандарта, поскольку суды, основываясь на положениях гражданского законодательства, в случае существенного изменения обстоятельств предпочитали прекращать договор. Опыт последних лет, продиктованный санкционной повесткой, показывает смещение данного вектора в сторону изменения договора в судебном порядке.

Ключевые слова

адаптация; существенное изменение обстоятельств; международный коммерческий контракт; транснациональное коммерческое право; Принципы УНИДРУА; *pacta sunt servanda*; *clausula rebus sic stantibus*.

Благодарности: статья подготовлена с использованием материалов справочно-поисковой системы Консультант Плюс.

Для цитирования: Фоновина О.В. Судебная адаптация международных коммерческих контрактов: зарубежные подходы и российские перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 2. С. 87–117. DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.87.117

Research article

Judicial Adaptation of International Commercial Contracts: Foreign Approaches and Russian Prospects

Olga V. Fonotova

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russia,

ofonotova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2255-9684>

Abstract

Adaptation of a commercial contract provided for in international commercial law allows the court in exceptional cases to amend the terms of the contract in the event of the occurrence of circumstances that significantly affect the contract's performance. An example of such circumstances are the unilateral sanctions restrictions that have affected international contracts involving Russian merchants, which brings the problem of adaptation into focus in the current Russian legal environment. The aim of the research is to identify the main models of contract adaptation by the court when applying the institute of hardship in international and foreign and to compare them with the Russian

approach. The achieve the above the following objectives have been consistently reached: the concept of adaptation of an international contract was actualized, the latest approaches to judicial intervention in a contract in the main foreign legal orders (common law countries, France and Germany) were compared, legal grounds for contract modification by a court in the Russian legislation were identified and recent Russian court practice has been studied. The results were facilitated by the application of comparative legal technique with a predominance of functional method. Judicial intervention in a contract is an exceptional measure and is permissible in international turnover if there are sufficient grounds (in particular, those provided for in the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts). The basic approach here is centered on the priority of preserving the contractual relationship over termination of the contract by the court. In domestic turnover this measure is considered by legislators as extraordinary (France), or judicial intervention is not allowed at all by national law (the United Kingdom). However, some legal orders (Germany) take a position close to international commercial law, at the legislative level providing the court with quite wide opportunities to adapt a commercial contract. In Russian practice the approach of the courts has traditionally differed from the international standard, as the courts, based on the provisions of local civil law, preferred to terminate the contract in the event of a material change of circumstances. The recent years' legal practice, dictated by the sanctions agenda, shows a shift of this vector towards judicial modification of the contract.

Keywords

adaptation; material change of circumstances; international commercial contract; transnational commercial law; UNIDROIT Principles; *pacta sunt servanda*; *clausula rebus sic stantibus*.

Acknowledgments: the article was prepared with using materials from the reference and search system Consultant Plus.

For citation: Fonotova O.V. (2025) Judicial Adaptation of International Commercial Contracts: Foreign Approaches and Russian Prospects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 87–117 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.87.117

Введение

Международные коммерческие контракты существенно отличаются от соглашений, заключаемых во внутреннем деловом обороте. Перевозки на большие расстояния, стихийные бедствия, политические потрясения, эмбарго, экономические кризисы исторически влияли на исполнение договоров в трансграничной среде гораздо чаще, чем во внутреннем обороте. Длительный опыт преодоления трудностей создал потребность в развитии правовых механизмов, предназначенных для непредвиденных случаев в международных коммерческих делах.

Протестированные многолетней практикой оформились способы, направленные на правовое урегулирование типичных рисков,

возникающих в процессе исполнения коммерческих обязательств. Одним из таких феноменов, набирающих все большую популярность в международном обиходе, выступает доктрина «затруднений» (в национальном праве близкий институт именуют «существенным изменением обстоятельств»).

Затруднением (англ. *hardship*) в международном коммерческом праве считается «случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения»¹. Затруднения относятся к договорным отношениям, когда исполнение обязательств не стало невозможным для потерпевшей стороны. В отличие от участника договора, столкнувшегося с обстоятельствами форс-мажора или непреодолимой силы (при которых исполнение невозможно в принципе)², контрагент, оказавшийся в затруднительном положении, может исполнять обязательства, но при этом он подвергается воздействию кардинальных изменений внешней обстановки, которые нельзя было предположить при заключении договора. Возможность продолжать предусмотренное в контракте исполнение, несмотря на чрезмерное воздействие внешних перемен, является характерным признаком затруднений, выделяющим данный правовой механизм из круга схожих конструкций.

Одной из возможных мер защиты в такой ситуации служит изменение договора судом с целью восстановления нарушенного экономического баланса, или (говоря языком коммерческого права) «адаптация» контракта³. Именно данное необычное для договорного права последствие, связанное с активным вмешательством третьей стороны (суда или арбитра) в правоотношения контрагентов, интересно в контексте реализации института затруднений. Адаптация вызывает дискуссии в зарубежной доктрине, она отмечена неоднородной практикой иностранных судов и международных коммерческих арбитражей. До недавнего времени судебная адаптация не пользовалась популярностью у российских судей. Вместе с тем данный инструмент воздействия на договорные отношения, предназначенный для использования в критических ситуациях, в кото-

¹ Ст. 6.2.2. Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. Available at: URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (дата обращения: 11.05.2025)

² Соотношение концепций форс-мажора и затруднений в международном коммерческом праве рассмотрено в трудах Я.О. Алимовой [Алимова Я.О., 2022: 40–59].

³ Ст. 6.2.3 (4b) Принципов УНИДРУА.

рых, впрочем, оказалось большинство отечественных коммерсантов в эпоху односторонних экономических санкций, полезен современному российскому правопорядку.

В последние 10 лет в силу правовых последствий, вызванных воздействием зарубежных санкционных ограничений на российских коммерсантов, а также встречных отечественных мер, судам России все чаще приходится сталкиваться с разрешением коммерческих споров из международных контрактов, чему не в последнюю очередь способствовали изменения в арбитражном процессуальном законодательстве [Гландин С.В., 2021: 131–152]. К таким спорам, как правило, суды не готовы, они к ним не привыкли, поскольку ранее подобные разбирательства преимущественно попадали в сферу международного коммерческого арбитража, причем администрируемого зарубежными арбитражными центрами. В связи с ограниченным доступом к арбитражной практике правовые институты, развитые в международном коммерческом праве — доктрина затруднений и соответствующий ей механизм адаптации, мало знакомы российскому правоприменителю.

Проблема применения положений о затруднениях актуализируется на фоне мнений ученых: зарубежные односторонние санкционные меры последних лет и ответное российское (анти) санкционное регулирование уместно относить к затруднениям (существенному изменению обстоятельств) [Мишкович М., 2023: 110–118]. Действительно, многие такие регуляторные нововведения позволяют продолжать исполнять договор, пусть и в существенно более обременительном для контрагентов порядке. Вместе с тем исполнение договорных обязательств может стать более благоприятным для сторон контракта при условии, что он будет подвергнут тонкой перенастройке и изменен в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В международной договорной практике предпочтительным являются сохранение и адаптация договора сообразно изменившимся условиям, а прекращение контракта рассматривается как самая крайняя и нежелательная мера [Старженецкий В.В., Багрова Я.А., 2023: 134–135, 138].

В особенности остро в связи с этим стоит вопрос материально-правовых оснований, условий и пределов судебной интервенции в судьбу контракта. Однако вначале будет полезно обобщить, что такое доктрина затруднений в ее взаимосвязи с концепцией адаптации договора в транснациональном коммерческом праве, и проследить, каким образом механизм адаптации реализован в зарубежных правопорядках.

1. Адаптация контракта в случае «затруднений» в международном коммерческом праве

Положения о затруднениях и соответствующие им последствия, такие как изменение договора судом, традиционно не были включены в национальные торговые или гражданские кодексы государств европейского континента. Концепция затруднений исторически не свойственна и странам семьи общего права. Первые уверенные шаги в этой области были сделаны в русле международного коммерческого права, а авторство документированных норм о затруднениях заслуженно приписывается составителями унифицированных правовых регуляторов негосударственного происхождения.

Пионером в данном деле выступил Международный институт унификации частного права (УНИДРУА). В 1980-х гг. данная международная организация объединила два десятка видных ученых в области коммерческого права⁴, которые в 1994 г. опубликовали рекомендательный сборник унифицированных правил международной торговли «Принципы международных коммерческих договоров» (далее — Принципы УНИДРУА, Принципы). В настоящее время Принципы действуют в редакции 2016 г., и это наиболее влиятельный вненациональный источник норм права, используемый для регулирования коммерческих контрактных отношений.

Правила о затруднениях сосредоточены в главе 6 Принципов, посвященной исполнению договоров. Статьи 6.2.1–6.2.3 документа раскрывают основы исполнения договорных обязательств, дают понятие затруднений и указывают на правовые последствия таковых. Положения о затруднениях в данном акте в целом составляют весьма узкую и максимально конкретную правовую категорию.

Понятие затруднений для целей международного оборота сформулировано в ст. 6.2.2 Принципов⁵. В нем проявляется функциональное назначение данного института — восстановить утраченное экономическое равновесие действующего договора, дальнейшее

⁴ В состав рабочей группы входил известный российский правовед профессор А.С. Комаров.

⁵ «Затруднениями считается случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения, и, кроме того: (а) события возникают или становятся известны потерпевшей стороне после заключения договора; (b) события не могли быть разумно учтены потерпевшей стороной при заключении договора; (с) события находятся вне контроля потерпевшей стороны; и (d) риск возникновения этих событий не был принят на себя потерпевшей стороной» (ст. 6.2.2 Принципов).

исполнение которого грозило бы одной из сторон чрезмерными потерями. Определение затруднений характеризуется также следующим. Во-первых, требования к ним очень схожи с требованиями доктрины форс-мажора: наступление события любого характера после заключения договора, риск которого должник не принял на себя, непредвиденность, неизбежность и причинение этим событием экономического дисбаланса в договоре [Yildirim A., 2011: 86]. Во-вторых, такой дисбаланс должен быть основополагающим, фундаментальным. Следовательно, событие должно возлагать на потерпевшую сторону чрезмерное финансовое бремя, делая исполнение существенно более трудным, будь то в результате экстремального увеличения расходов или снижения стоимости исполнения другой стороной.

Зарубежные санкционные ограничения и встречные российские контрмеры в целом могут быть квалифицированы как события, вызвавшие фундаментальный экономический дисбаланс, т.е. отнесены к затруднениям. Аналогичный подход был поддержан в международной арбитражной практике, например, в отношении последствий пандемии коронавирусной инфекции 2019 г. COVID-19 [Berger K.P., Behn D., 2020: 127, 128]. При этом такая общая позиция не служит универсальным решением, пригодным для всех коммерческих споров, возникших на фоне санкционных мер, — в каждом случае суд должен давать оценку обстоятельствам для подтверждения затруднительности спорной ситуации.

Установить наличие затруднений — важная задача, возлагаемая на суд. С этой трудной ролью, на наш взгляд, связана одна из проблем, служащая возможной причиной нежелания национальных судов обращаться к концепции затруднений. Это особенно присуще странам, не имеющим большого опыта реализации доктрины существенного изменения обстоятельств в судебной практике (сказанное относится в том числе к России).

В качестве правового последствия затруднительного положения Принципы прежде всего наделяют контрагентов правом самостоятельно изменить условия контракта под стать изменившимся обстоятельствам: потерпевшая сторона вправе требовать от другой стороны пересмотра договора⁶. Только при неудаче переговоров, которые должны состояться в пределах разумного срока, любой контрагент может просить суд/арбитраж расторгнуть договор или привести его в соответствие с изменившимися обстоятельствами. Каким из двух

⁶ Ст. 6.2.3 (1) Принципов УНИДРУА.

вариантов воспользоваться в данном случае, решает суд/арбитраж, руководствуясь принципом разумности⁷. Примечательно, что в этом вопросе юрисдикционный орган наделяется широкими возможностями собственного усмотрения.

Принципы со всей очевидностью подчеркивают: затруднительные ситуации должны оставаться редким исключением и принцип *pacta sunt servanda*⁸ в деловом обороте неизменно превагирует⁹. Не прекращается исполнение договора и в ходе судебного/арбитражного процесса о пересмотре контракта. В этом международные правила о затруднении соответствуют национальному пониманию существенно изменившихся обстоятельств в отдельных юрисдикциях гражданского права.

Подтверждением общепризнанности концепции затруднений в международном контрактном праве с точки зрения европейской континентальной доктрины является урегулирование затруднений в рекомендательных Принципах европейского договорного права (Principles of European Contract Law; 1999): адаптация договора судом заявлена в статье 6 документа как одна из основных защитных мер. Изменение обязательства судом для его соответствия разумности и справедливости в новых обстоятельствах предусмотрено также в статье Модельных правил европейского частного права 2009 г. (Draft Common Frame of Reference), [Пугинский Б. И., Амиров А. Т., 2023: 236–237, 372–373].

Часто источником адаптации контракта в международной практике выступает сам договор: для этого коммерсанты включают в него так называемую «оговорку о затруднениях», формулирующую алгоритм действий сторон и суда/арбитража в случае существенного изменения обстоятельств, влияющего на нормальное исполнение договорных обязательств¹⁰. Для удобства договаривающихся сторон Международная торговая палата (далее — МТП) еще в 2003 г. под-

⁷ Ст. 6.2.3 (4) Принципов УНИДРУА.

⁸ В переводе с латинского: «договоры должны соблюдаться».

⁹ В связи с этим значима ст. 6.2.1 Принципов УНИДРУА, открывающая главу о затруднениях, которая указывает: «Если исполнение договора становится более обременительным для одной из сторон, эта сторона тем не менее обязана выполнить свои обязательства с соблюдением последующих положений о затруднениях». Кроме того, далее в ст. 6.2.3(2) уточняется, что просьба, обращенная потерпевшей стороной к контрагенту о пересмотре договора не дает сама по себе потерпевшей стороне право остановить исполнение.

¹⁰ Положения о затруднениях и об их последствиях для международного контракта могут быть оформлены в качестве (анти) санкционной оговорки, либо составлять ее часть [Старженецкий В.В., Багрова Я.А., 2023: 128–145].

готовила типовую оговорку на этот случай. Положения оговорки рекомендуется включать в коммерческие контракты для придания большей определенности во взаимодействии контрагентов. С процессуальной точки зрения такой подход дает более весомые основания суду/арбитражу для выполнения соответствующей роли по адаптации или прекращению договора.

Сообразно требованиям времени оговорка о затруднениях (существенном изменении обстоятельств) была обновлена МТП в 2020 г.¹¹ и теперь перечисляет три альтернативных правовых последствия затруднений, включая адаптацию договора судом с целью восстановления его равновесия (такой вариант не содержался в предшествующей редакции оговорки). Процедуре адаптации в новой оговорке уделяется повышенное внимание: приоритетным подходом к судьбе контракта считается именно его изменение, а расторжение служит наиболее радикальной мерой, к которой надлежит обращаться в самом крайнем случае. Такой правовой вектор отражает общую приверженность международной торговли сохранению предпринимательских связей.

Контрагенты вправе исключить применение правил о затруднениях, равно как и судебную адаптацию контракта, если сочтут такие меры неподходящими. Если в международном контракте не предусмотрена оговорка о затруднениях и /или нет отсылки к Принципам, положения о существенном изменении обстоятельств будут определяться нормами применимого национального права при условии, что соответствующий институт в нем присутствует.

2. Возможности адаптации договора в материальном праве зарубежных стран

Адаптация — мера, доступная в редких случаях, вводит элемент активного судейского посредничества в исполнение договора, что в международной коммерции становится все чаще востребованным. Однако данная мера не снискала единообразного отношения в национальном законодательстве и во внутренней судебной практике отдельных правопорядков. Исследователи указывают, что во Франции, Германии, Австрии, Италии, Польше, Греции, Венгрии, Португалии, Нидерландах, Швейцарии, России, Аргентине, Бразилии, Перу, Колумбии, Японии и Египте ныне действуют законодательные

¹¹ Available at: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2020/03/icc-force-majeure-hardship-clauses-march2020.pdf> (дата обращения: 11.05.2025)

нормы о затруднениях (существенном изменении обстоятельств) в той или иной интерпретации или выработаны судебные позиции по данному вопросу [Berger K.P., Behn D., 2020: 115]. Все перечисленные страны относятся к континентальной правовой семье. В юрисдикциях общего права доктрина затруднений не поддерживается или, по крайней мере, не распространена в такой же степени, как в романо-германском мире, и этому есть объяснение.

2.1. Отказ от адаптации в странах общего права

Идеи общего права, касающиеся затруднительного положения, развивались по совершенно иному пути, нежели их гражданско-правовые аналоги. Основная причина такого расхождения кроется в том, что в странах общего права устоялись догматические понятия об обязательной силе договора, о его неприкосновенности, «святости» (*sanctity*), что наряду с другими историческими особенностями препятствовало признанию в англосаксонском договорном праве любого типа доктрины об изменившихся обстоятельствах.

Договор в традициях таких стран для придания ему законной силы требует возмещения (оговоренного обмена, встречного предоставления — встречного удовлетворения), которое крепко связывает стороны независимо от того, подвергнется ли цель договора впоследствии модификации. Следовательно, ведущий принцип *pacta sunt servanda* здесь превалирует, оставляя контрагентов подчиненными условиям изначальной сделки, даже если исполнение становится более обременительным для одного из них.

Подкрепленное понятиями о неприкосновенности договора, какое-либо вмешательство третьих лиц (включая суд) в формирование договорных условий совершенно чуждо Великобритании, США и другим странам, впитавшим идеи общего права. В силу этого адаптация контракта таким правовым порядкам не присуща.

2.2. «Узкий» подход к адаптации в гражданском праве Франции

Франция прошла путь от полного отрицания судами доктрины существенного изменения обстоятельств до кодификации концепции затруднений, но в довольно узком понимании. До изменений, внесенных во Французский гражданский кодекс (далее—ФГК) в 2016 г., данный правовой порядок выделялся среди стран континентального права тем, что в его частноправовой сфере полностью отвергалась «доктрина непредвиденных обстоятельств» (*théorie de l'imprévision*).

В 1876 г. Кассационный суд Франции раскритиковал данную доктрину в известном деле *Canal de Craponne*¹²: отказывая в пересмотре договора, высший суд признал, что суд не вправе самостоятельно вносить изменения в договор, если только в законе не содержится положение, прямо позволяющее ему сделать это. Но подобных норм ФГК в то время не имел.

Коммерсантам столь строгий подход правоприменителя казался неудобным, поэтому все чаще споры с просьбами об адаптации передавались для рассмотрения во внесудебном порядке в арбитраж, в связи с чем распространилась практика включать во французские контракты оговорки об адаптации¹³ или о перезаключении контракта, либо позволять арбитрам выступать в роли «дружественных посредников» (*amiables compositeurs*), свободных от ограничений закона [Berger K.P., Behn D., 2020: 118]. Таким образом, деловые круги были крайне заинтересованы в легитимации учения о непредвиденных обстоятельствах, и его формальное закрепление стало лишь вопросом времени.

Понимая, что Франция отстает от общего развития в этой сфере по отношению к прочим странам европейского континента¹⁴, в ходе реформы французского договорного права 2016 г. законодатель ввел в ФГК ст. 1195¹⁵, воплотившую концепцию существенного из-

¹² См.: Cass civ, 6 Mars 1876, Canal de Craponne [1876] D 1876 I 193. Arrêt de la Cour de Cassation, 6 Mars 1876. Available at: <http://playmendreit.free.fr/arrets/CA06031876.pdf> (дата обращения: 11.05.2025)

¹³ ICC Award No. 2708 (1976). TransLex Law Research. Available at: https://www.trans-lex.org/202708/_/icc-award-no-2708-clunet-1977-at-943-et-seq/ (дата обращения: 11.05.2025)

¹⁴ См.: Rapport au Président de la République relatif à l'ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. Légifrance. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORF-TEXT000032004539/> (дата обращения: 11.05.2025)

¹⁵ Статья 1195 ФГК: «Если в результате изменения обстоятельств, непредвиденных при заключении договора, исполнение договора становится чрезмерно обременительным для стороны, не согласившейся нести риск, эта сторона может потребовать от другой стороны перезаключения договора. При этом она должна продолжать выполнять свои обязательства в период пересмотра договора. Если переговоры отклоняются или не дают результата, стороны могут договориться о расторжении договора в срок и на условиях, которые они определят, или обратиться в суд для его адаптации по взаимному согласию. Если в разумный срок соглашение не достигнуто, суд по требованию одной из сторон может пересмотреть или расторгнуть договор в срок и на условиях, которые он определит». На практике стороны могут исключить из договора положения о существенном изменении обстоятельств или скорректировать условия их применения (например, изменив условия пересмотра и обращения в суд для адаптации договора). Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721# (дата обращения: 11.05.2025)

менения обстоятельств. При этом разработчики нового положения признали непосредственное влияние международных правил о затруднениях из Принципов УНИДРУА на данные локальные новеллы [Berger K.P., Behn D., 2020: 126]. Таким же образом поступили законодательные органы Нидерландов¹⁶, заимствовав подходы международного коммерческого права для целей внутреннего делового оборота, что демонстрирует транснациональные начала как затруднительности, так и адаптации.

Из формулировки ст. 1195 ФГК следует, что затруднительность охватывает только случаи «чрезмерной обременительности». В этом имеется сходство с позицией, отраженной в Принципах УНИДРУА, однако такое видение заметно отличается от более широкого понимания затруднений, которое ранее укрепилось в некоторых национальных правовых порядках Европы (например, в Германии). Вторая модельной концепции затруднительности, воплощенной в международном коммерческом праве, «чрезмерная обременительность» во Франции означает нечто значительно большее, чем увеличение расходов, которое должно быть ожидаемо контрагентами по долгосрочным коммерческим контрактам. Скорее одна из сторон должна столкнуться с экстремальным, неожиданным ростом затрат на исполнение или чрезвычайным уменьшением выгод, которые она рассчитывала получить от встречного исполнения другой стороной.

Закон уполномочивает суд в таких обстоятельствах самостоятельно принять решение о необходимости пересмотра договора. Приоритетным выходом из затруднения во французской модели становится адаптация, но не прекращение договорных обязательств, поскольку главной целью и ценностью делового оборота постулируется сохранение договорных связей. В этом «узкий» подход французского правового порядка к затруднениям также полностью согласуется с идеей стабильности контракта, заложенной в основу международного коммерческого права.

2.3. «Широкий» подход к адаптации в гражданском праве Германии

Германский правовой порядок дает наиболее либеральное, широкое толкование затруднительности в договорных отношениях, а германские судьи обрели известность благодаря тому, что наиболее актив-

¹⁶ Ст. 6:258 Гражданского кодекса Нидерландов (Burgerlijk Wetboek) позволяет любой из сторон просить суд изменить условия договора. Available at: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodegeneral.htm> (дата обращения: 11.05.2025)

но по сравнению с судебными органами других стран участвуют в адаптации договорных условий к изменившимся обстоятельствам. Однако так было не всегда.

В данной стране принцип *clausula rebus sic stantibus*¹⁷ изначально был отвергнут разработчиками Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch; далее — ГГУ) в 1900 г. Авторы Уложения доказывали, что такой подход ведет к правовой незащищенности, неопределенности и подрывает обязанность контрагентов исполнять договор. Несмотря на то, что составители ГГУ отказались легитимизировать концепцию изменившихся обстоятельств, на рубеже XIX—XX вв. немецкие цивилисты глубоко изучали указанный вопрос и внесли существенный вклад в развитие учения о существенном изменении обстоятельств [Дождев Д.В., 2018: 143—172].

Мощным стимулом к перемещению сугубо доктринальной концепции изменившихся обстоятельств в повседневную практику судов послужили события Первой Мировой войны, принесшие серьезные экономические потрясения. В 1920-х гг. судебный корпус сделал первые шаги с целью сбалансировать договорные позиции контрагентов, существенно нарушенные, в частности, в период экономической нестабильности, обусловленной гиперинфляцией, которую переживала Германия. В результате многочисленные контракты были подвергнуты пересмотру в рамках судебных разбирательств. В отсутствие законодательной опоры суды черпали правовые основания для адаптации в доктрине «исчезновения основания сделки» (*Wegfall der Geschäftsgrundlage*) [Очхаев Т.Г., 2015: 14—15], оставляющей широкие возможности для пересмотра договора. Долгие годы доктрина изменившихся обстоятельств в Германии развивалась в науке и в практике высших судов.

Лишь в ходе объемлющей реформы общего договорного права в 2002 г. в ГГУ был введен § 313 «Нарушение основания сделки» (*Störung der Geschäftsgrundlage*), который кодифицировал обширную судебную практику по данному вопросу¹⁸. Введенное положение закона касается случаев коренного изменения обстоятельств, на

¹⁷ От лат. «оговорка о вещах, остающихся в том же положении»; в договорном праве представляет доктрину неизменности обстоятельств, согласно которой договор остается в силе до тех пор, пока неизменны обстоятельства, повлекшие его заключение.

¹⁸ Аналогичным образом под влиянием экономической нестабильности 1920-х гг. близкая концепция «возникновения чрезмерной нагрузки» (*Eccessiva Onerosità Sopravvenuta*), предусматривающая адаптацию договора, была развита в практике итальянских судов и в настоящее время заключена в ст. 1467 ГК Италии.

которых основывался договор, в свете того, что требовать выполнения потерпевшей стороной своих изначальных обязанностей в такой ситуации неразумно.

Примечательно, что в германском гражданском законодательстве затруднения не ограничиваются характерными для международного коммерческого права случаями экономической обременительности, которые возникают после заключения договора¹⁹. Следуя подходу, обоснованному в доктрине и протестированному решениями высших судов, ГГУ приравнивает первоначальное отсутствие «существенных представлений [сторон], ставших основой договора»²⁰, к последующему изменению исходных обстоятельств. В такой нормативной формуле в гражданском праве Германии закрепилось расширительное представление о сущности затруднений.

Германское законодательство максимально благоприятно к адаптации контракта. Если предпосылки, названные в абз. 1 или 2 § 313 ГГУ, соблюдены и существует разумный вариант адаптации, потерпевшая сторона вправе потребовать адаптации у другой стороны. Важно, что потерпевшая сторона вправе отказаться от договора или расторгнуть его в связи с изменившимися обстоятельствами только если изменение договора окажется незаконным, невыполнимым или неразумным для контрагента. Таким образом, право Германии выступает в поддержку сохранения договорных связей и при этом доверяет суду роль справедливого посредника, способного содействовать контрагентам в балансировке их позиций по договору в свете изменившихся обстоятельств.

Проадаптационная ориентация немецкого правопорядка оказалась особенно востребованной в условиях пандемии COVID-19, при разборе договорных последствий которой было признано, что в силу «военного характера» пандемии риски не может нести только одна сторона контракта [Berger K.P., Behn D., 2020: 124]. Вероятно, аналогичные по масштабу ситуации, такие как односторонние санкционные меры, также могут быть отнесены к категории затруднительности исполнения в ее германской трактовке в целях привлечения суда к пересмотру условий договора.

Юрисдикции, находящиеся под влиянием немецкой доктрины «исчезновения основания сделки», включают Скандинавские страны (Норвегию, Данию, Швецию, Финляндию), Грецию, а также Япо-

¹⁹ Абз. 1 § 313 ГГУ. Available at: <https://laweuro.com/?p=15412> (дата обращения: 11.05.2025)

²⁰ Ibid. Абз. 2 § 313 ГГУ.

нию, Аргентину и Бразилию [Lando O., Beale H., 1999: 328]. Однако в части полномочий судов по вмешательству в договор и адаптации договора между названными правовыми порядками имеются заметные различия: например, некоторые страны допускают расторжение договора в качестве единственного средства правовой защиты. Такой результат не согласуется с преобладающей в международной договорной практике идеей о необходимости поиска решения, распределяющего риски и позволяющего избежать преждевременного прекращения договорных отношений, что делает расторжение договора наименее благоприятным вариантом выхода из затруднительного положения²¹. В связи с этим в доктрине подчеркивается, что Австрия, Греция и Нидерланды следуют более прогрессивному направлению, поскольку законодательство данных стран предписывает судам в качестве первоочередной меры в случае затруднений — модифицировать контракт [Rösler H., 2007: 507].

3. Особенности оснований для изменения договора судом в гражданском законодательстве России

Одним из принципов российского договорного права является римский постулат, согласно которому договоры должны исполняться (*pacta sunt servanda*). Следовательно, любое исключение из основополагающего правила надлежит толковать ограничительно. Возможно, что ключевым в таких условиях должен стать подход, направленный на максимальное сокращение случаев досрочного прекращения договорных обязательств, в особенности, когда это совершается внешним лицом (судом, арбитражем). Сказанное относится к доктрине *clausula rebus sic stantibus*, нашедшей отражение в ст. 451 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК)²². Следуя данной норме, суд наделяется полномочием расторгнуть договор или в исключительных случаях его изменить (адаптировать), если обстоятельства существенно изменились после заключения договора. Отклоняясь от принципа *pacta sunt servanda*, ГК отдает предпочтение прекращению договора, исполнение которого существенно затруднено²³.

²¹ Принцип TransLex IV 5.3 (Толкование в пользу действительности контракта) и комментарий № 2 к нему. TransLex Law Research. Available at: <https://www.translex.org/925000> (дата обращения: 11.05.2025)

²² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²³ В п. 2 ст. 451 ГК заявлено, что приоритетным подходом отечественного законодателя выступает именно расторжение договора судом в случае существенного

Иллюстрацией узкого подхода российского правопорядка в отношении условий судебного вмешательства в судьбу договора, включая его адаптацию, служит подробное изложение обстоятельств, в которых такие последствия в принципе допустимы. Так, для получения права обратиться с требованием об адаптации договора истцу необходимо одновременно вывить и доказать наличие четырех условий, перечисленных в законе²⁴. Такая установка законодателя близка к интерпретации затруднений, характерной для французского гражданского законодательства. Во многом заявленная законодателем консервативная позиция по вопросу доступа контрагентов к судебной адаптации служит препятствием развитию данного института в отечественной практике.

Финальную точку в вопросе распределения приоритетных правовых последствий затруднений ставит п. 4 ст. 451 ГК²⁵, определяя прекращение договора наиболее верным способом защиты потерпевшей стороны. Судебная адаптация допускается в самых исключительных случаях, если прекращение невозможно, на что прямо указывает закон. Решая последовать по и без того трудному, творческому пути изменения договора, согласно норме закона суд вынужден нести дополнительную нагрузку, связанную с выявлением и оценкой общественных интересов, с подсчетом и сопоставлением соответствующих затрат в случае прекращения и в случае изменения договора. Если этого сделано не будет, велик риск, что судебная

изменения обстоятельств: «Если стороны не достигли соглашения о приведении договора в соответствие с существенно изменившимися обстоятельствами или о его расторжении, договор может быть расторгнут, а по основаниям, предусмотренным пунктом 4 настоящей статьи, изменен судом по требованию заинтересованной стороны...».

²⁴ Данные условия согласно п. 2 ст. 451 ГК таковы: «1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет; 2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота; 3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; 4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.»

²⁵ «Изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях».

адаптация подвергнется оспариванию в вышестоящей инстанции. Кроме того, вероятно, что крайне редко прекращение частного коммерческого договора будет противоречить «общественным интересам», а значит, не появится надобность его пересматривать, и гораздо проще будет прекратить такой договор.

Институт адаптации в российском варианте возлагает на суд чрезмерное бремя, он неудобен и громоздок. Вследствие этого российская модель адаптации договора практически не реализована в судебных решениях. Кроме того, национальный подход идет вразрез с международной коммерческой практикой, сконцентрированной в Принципах УНИДРУА и в законодательстве основных континентальных правовых порядков, которая признает доминирующую роль за адаптацией контракта.

В доктрине раздавались небезосновательные призывы пересмотреть подход к правовым последствиям существенного изменения обстоятельств в российском законодательстве, чтобы данный институт содействовал деловому обороту, полноценно функционировал, а суды находили бы его удобным и доступным для применения. Так, следует полностью поддержать предложение о смещении в ст. 451 акцента с приоритетного прекращения договора судом в пользу его изменения, адаптации [Очхаев Т.Г., 2015: 10–11, 25]; [Алаева А.С., 2023: 43–48]. Здесь следовало бы воспользоваться современной формулой, известной как французскому, так и германскому гражданскому законодательству, согласно которой главной целью суда должно оставаться сохранение договорных отношений с определенной возможностью модификации обязательств в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Расторжение договора судом должно стать крайней мерой, допустимой лишь когда адаптация не может принести разумных результатов и сбалансировать позиции сторон.

4. Пределы адаптации коммерческих контрактов в зарубежной и международной судебно-арбитражной практике

Как было отмечено выше, в общем праве концепция затруднений в целом не развита, а, например, английские суды не вправе адаптировать договор к изменившимся обстоятельствам. В американском праве теория затруднительности также практически не находит подтверждения в правоприменении либо используется крайне редко [Berger K.P., Behn D., 2020: 116–117]. Таким образом, юрисдикции общего права не дают полезного правоприменительного опыта

адаптации оттого, что соответствующий механизм в данной правовой семье не поддерживается в силу традиции.

После реформы гражданского законодательства 2016 г. на французские суды возложена обязанность адаптировать договор, когда добросовестные попытки сторон перезаключить контракт самостоятельно не увенчались успехом, и если в свете этой неудачи один из контрагентов просит суд вмешаться. Указанные судебные полномочия были охарактеризованы в доктрине как «удивительные» и «новаторские»; кроме того, было отмечено отсутствие ясности в том, будут ли французские суды широко использовать оставленную им свободу для изменения договоров, и в какой степени. В силу относительной новизны института затруднений и длительности судебных процессов утверждается, что соответствующая практика во Франции еще не сложилась.

Так как французские суды традиционно придерживаются ограничительного подхода к адаптации договора, выдвигаются предположения, что в действительности судьи будут склонны возвращать процесс пересмотра сторонам, а не изменять условия договора самостоятельно. Даже такая перспектива выглядит привлекательной, поскольку позволит укрепить силу договорных связей, не разрушить, а усовершенствовать, перенастроить обязательства сторон. К тому же исследователи усматривают, что подобный сценарий будет полезен поддержанию принципов свободы договора, автономии сторон, а также сократит судебное вмешательство до минимума [Berger K.P., Behn D., 2020: 120].

Применение доктрины затруднительности в Германии довольно распространено, а вмешательство судей в договор традиционно играет важную роль в имплементации данного института. Чаще всего к таким обстоятельствам суды обращаются для урегулирования случаев неэквивалентного обмена (Fälle der Äquivalenzstörung) [Петрищев В.С., 2007: 35]. Развитие договорных отношений по сценарию адаптации может также быть отнесено к общим ошибкам сторон или первоначальным представлениям одной стороны, которые не были отвергнуты другой стороной при обсуждении и заключении договора и, таким образом, легли в основу их сделки²⁶. Преимущество во всех подобных ситуациях отдается изменению договора, чем германский опыт заметно выделяется в ряду континентальных порядков [Rösler H., 2007: 483–513].

²⁶ 8 BGH, 08.11.2001, IX–ZR 64/01, NJW 2002, 292. Available at: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=18785&pos=0&anz=1> (дата обращения: 11.05.2025)

Важное значение адаптации в договорном праве Германии известно и отечественному правоприменителю: например, не так давно о приоритете изменения договора по отношению к его расторжению высказался российский арбитражный суд в деле о споре между РЖД и Siemens Mobility²⁷. Важно, что судебные органы не только применяют закон, но, руководствуясь соображениями разумности, самостоятельно определяют структуру, содержание и пределы изменения договорного отношения. В целом яркая германская судебная практика по вопросам затруднений и адаптации контракта подробно освещена в отечественной литературе [Очхаев Т.Г., 2015: 14–15, 28]; [Петрищев В.С., 2007: 33–35, 40–43]; [Гуна А.Н., 2023: 49–67] и не требует отдельного рассмотрения.

Что касается транснационального уровня, классическая международная арбитражная практика относится к подходу *clausula rebus sic stantibus*, служащему фундаментом для доктрины затруднений, с известной долей осторожности. Арбитры определяют его как «опасное исключение из принципа неприкосновенности договоров», поэтому его применение ограничивается «случаями, когда это оправдано вескими причинами»²⁸. Уточняя данную идею, Международный арбитражный суд при МТП указал в одном из своих решений: «...расторжение договора по непредвиденным обстоятельствам (затруднения, *clausula rebus sic stantibus*) должно допускаться только в действительно исключительных случаях»²⁹. Заявленная позиция приводит к выводу: не прекращение договора, а именно его изменение под стать новым обстоятельствам надлежит расценивать как приоритетную меру, хотя и подчиненную строгим условиям.

Вместе с тем деловая практика тоже диктует требования арбитражу: запрос со стороны бизнеса — и ответная насущная необходимость в умении осуществлять интервенции в договор со стороны арбитров — наиболее присущи долгосрочным международным контрактам. Фактор времени делает эти договорные связи уязвимыми при изменении технологических, политических или экономических обстоятельств или в силу упущений в отдельных положениях контракта. Учитывая значимость долгосрочных контрактов в мировом коммерческом обороте, проблемы их адаптации становятся особен-

²⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.2023 № Ф05-15329/2023 по делу № А40-264063/2022 // СПС КонсультантПлюс.

²⁸ См.: ICC Award No. 1512 (1971) и ICC Award No. 8486 (1996), ICC Award No. 9479 (2001). Available at: <https://www.trans-lex.org/> (дата обращения: 11.05.2025)

²⁹ ICC Award No. 8486 (1996). Available at: https://www.trans-lex.org/208486/_/icc-award-no-8486-ycs-1999-at-162-et-seq-/ (дата обращения: 11.05.2025)

но востребованными, а арбитры — «естественные судьи» международной торговли и коммерции «должны уметь с ними справляться» [Berger K.P., 2001: 1–18]. Отвечая на запрос делового оборота, современное международное коммерческое право и доктрина выступают в поддержку широкой компетенции международных арбитров по адаптации договоров.

Адаптация договора может быть сопряжена с препятствиями коммерческого характера, особенно когда она направлена на определение правил будущей длительной совместной деятельности участников сделки. Адаптация требует от арбитров переписать/изменить контракт или добавить в него новые положения. Не всякий состав арбитража компетентен и обладает познаниями в тонкостях сделки, поскольку традиционно его предназначение ограничено разрешением правового спора на основе аргументов, предъявленных контрагентами. Нетрудно смоделировать ситуацию, в которой контракт окажется слишком сложным, чтобы его мог изменить кто-либо, не являющийся экспертом в данной отрасли экономики, к тому же осведомленным в особенностях предшествующих деловых отношений спорящих сторон. Обычно международный коммерческий арбитраж готов адаптировать контракт, если речь идет о точечных корректировках: о повышении цен или незначительных колебаниях, об изменении графиков платежей или поставок, о смещении сроков исполнения обязательств. Однако переписать в арбитраже многостраничный контракт, например, на добычу полезных ископаемых, на строительство завода и т.д., крайне трудно либо вовсе невозможно. В этом состоит очевидный предел возможностей арбитров. Также имеется и ряд юридических ограничений.

Если суду или третейскому суду необходимо адаптировать договор, в силу правовых предписаний это действие начинается с оценки характера обременительных обстоятельств. При таких чрезвычайных событиях, как санкционные ограничения, судьи или арбитры должны понимать, что соответствующие события настолько исключительны и изначально не связаны с договором, что если в договоре не предусмотрено распределение последствий именно такого риска между контрагентами, ни одна из сторон не должна нести весь риск, связанный с подобным кризисом, но этот риск должен быть разделен между ними³⁰. В этих условиях задача арбитров неизбежно сводится к справедливому распределению расходов между сторонами³¹.

³⁰ Например, такой подход подтвержден в европейской доктрине в отношении последствий пандемии COVID-19 [Berger K.P., Behn D., 2020: 128].

³¹ Ст. 6.2.3 Принципов УНИДРУА, комментарий № 7.

Сказанное согласуется с общепринятым пониманием, сложившемся в международной арбитражной практике, согласно которому результатом адаптации не может стать «лучшая сделка» (better deal), чем заключенная первоначально в результате переговоров³². Кроме того, арбитрам рекомендуется не признавать необоснованных попыток пересмотреть договор под прикрытием затруднений [Berger K.P., Behn D., 2020: 129].

В данных положениях намечены формирующиеся стандарты адаптации, которые обеспечивают результат модификации контракта с тем, чтобы такое изменение имело ожидаемый коммерческий смысл. Имеет смысл полагать, что выработка стандартов адаптации договоров в международной практике является насущной задачей для развития правового обеспечения делового оборота³³, которую надлежит решить научному сообществу. А до тех пор МТП рекомендует судье или арбитру предлагать сторонам выдвигать предложения о необходимых корректировках в контракте, которые могут быть приняты за отправную точку для изменений договора³⁴.

На протяжении последних десятилетий международные арбитры не ограничиваются разрешением традиционных правовых споров, а участвуют в адаптации долгосрочных контрактов. Такие контракты особенно подвержены экстремальным и непредвиденным изменениям экономических обстоятельств, подобным тем, которые были вызваны последствиями пандемии COVID-19, а также геополитическими потрясениями (очевидцами которых мы являемся в настоя-

³² American Independent Oil Company (AMINOIL) v. Government of the State of Kuwait (1982). Available at: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-the-american-independent-oil-company-v-the-government-of-the-state-of-kuwait-final-award-wednesday-24th-march-1982> (дата обращения: 11.05.2025); Mobil Oil Iran Inc. v. Iran, Iran-United States Claims Tribunal, Case No. 150 (Award No. 311-74/76/81/150-3, 1987). Available at: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-mobil-oil-iran-inc-and-mobil-sales-and-supply-corporation-v-government-of-the-islamic_5039 (дата обращения: 11.05.2025); Wintershall AG, International Ocean Resources, Inc (formerly Koch Qatar, Inc) and others v. the Government of Qatar (1989). Available at: https://www.trans-lex.org/250340/_/wintershall-ag-v-the-government-of-qatar-28-ilm-795/ (дата обращения: 11.05.2025), а также в ряде решений Международного арбитражного суда при МТП.

³³ Известно, что в ряде случаев арбитры не решались вмешиваться в договор и возвращали его сторонам для самостоятельного пересмотра условий во внесудебном порядке. Отчасти такой сценарий продиктован отсутствием устоявшихся стандартов адаптации.

³⁴ См. комментарий Международной торговой палаты к типовой оговорке о существенном изменении обстоятельств (затруднениях) 2020 г. Available at: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2020/03/icc-forcemajeure-hardship-clauses-march2020.pdf> (дата обращения: 11.05.2025)

щее время), определяемыми для отечественного бизнеса санкционными мерами и ограничениями.

Сомнения — могут ли международные арбитры вмешиваться в договорную связь сторон, каким образом и в какой степени, возникали всегда. Накопленный прикладной опыт в связи с этим позволяет сделать промежуточные выводы. Прежде всего анализ доступной арбитражной практики и информации о ней свидетельствует, что адаптация международных коммерческих контрактов в арбитраже приобретает все большую популярность. Материально-правовыми основаниями для подобных решений служат нормы национального законодательства о затруднениях (существенном изменении обстоятельств) и соответствующие положения актов международной частноправовой унификации типа Принципов УНИДРУА. Не менее весомым поводом для пересмотра контракта выступает договор сторон, наделяющий состав арбитража правом адаптировать договор. Вместе с тем арбитры сдержаны в своих полномочиях по изменению договорных обязательств в силу превалирующего воздействия базового принципа частного права *pacta sunt servanda*. Одновременно принцип *clausula rebus sic stantibus* свидетельствует в пользу адаптации договора, чем поддерживает сохранение в силе обязательства. Досрочное расторжение договора, напротив, вступает в противоречие с указанным постулатом.

Наконец, значительная доля сомнений в легитимности интервенции судей и арбитров в договор связаны с их процессуальным статусом и полномочиями, однако данная несомненно важная проблема находится за рамками настоящего исследования.

5. Подходы к изменению коммерческих договоров судом под влиянием санкционных ограничений в российской практике

Изменение договора судом в силу воздействия существенно изменившихся обстоятельств в российской правоприменительной практике встречается очень редко. Основная причина такого положения связана с формулировкой ст. 451 ГК, которая не создает благоприятных условий для обращения к данному способу правовой защиты. Кроме того, как отмечают исследователи, исторически нежелание высших судебных органов применять институт существенного изменения обстоятельств было «вызвано опасением, что названными нормами воспользуются недобросовестные участники оборота, стремящиеся не исполнять оказавшиеся для них невыгодными до-

говорные обязательства, что способно привести к дестабилизации гражданского оборота» [Петрищев В.С., 2007: 43]. Описанная магистральная линия была характерна в «доковидный» период, но судебная стратегия стала постепенно изменяться в начале 2020-х гг.

Стоит напомнить, что российские суды сформулировали ряд прочных позиций, обосновывающих широкий круг обстоятельств, которые не могут быть отнесены к разряду существенных и, следовательно, не дают возможности претендовать на правовую защиту в виде изменения или прекращения договорного обязательства³⁵.

Чтобы последствия существенного изменения обстоятельств могли быть применены, истцу надлежит доказать наличие каждого их четырех условий, перечисленных в п. 2 ст. 451. Опыт успешного привлечения доктрины существенного изменения обстоятельств связан, например, с ситуациями, когда из-за сокращения финансирования было упразднено подразделение государственного органа, для размещения которого заключался договор аренды³⁶; когда в результате сноса здания стало невозможно использовать земельный участок по назначению³⁷. Следует обратить внимание, что ни в одном из указанных споров суд не стал вносить изменений в договор, а прекратил его.

Во многом столь сдержанный подход предопределен тем, что закон велит суду обращаться к изменению договора только в самых исключительных случаях. Этому должен предшествовать ряд действий со стороны участника спора, ссылающегося на существенное изменение обстоятельств. Помимо доказывания четырех общих условий, указывающих на наличие существенно изменившихся обстоятельств, необходимо, чтобы суд установил одно из двух дополнительных оснований согласно п. 4 ст. 451, а именно: что расторжение договора противоречит общественным интересам (например, нельзя расторгнуть договор, если это приведет к невозможности выполнить российскую Государственную программу³⁸); что расторжение

³⁵ Так, подобный сценарий невозможен из-за ухудшения финансового состояния стороны, в том числе ее банкротства; в силу нарушения сроков выполнения работ по договору; при совершении третьим лицом действий, повлекших нарушение договора; в результате изменения обстоятельств по воле стороны договора; по причине внесения поправок в законодательство, если таковые не препятствуют исполнению договора; а также при росте цен.

³⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.01.2016 № Ф05-19210/2015 по делу № А41-35134/2015 // СПС Консультант Плюс.

³⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.08.2022 № Ф05-20336/2022 по делу № А40-245018/2021 // СПС Консультант Плюс.

³⁸ См.: Постановление Тринадцатого апелляционного арбитражного суда от 27.01.2016 по делу № А42-5382/2015 // СПС Консультант Плюс.

повлечет для сторон ущерб, который значительно превысит затраты на исполнение договора на тех условиях, которые изменил в нем суд. В прочих случаях, если доказаны соответствующие условия, суд расторгнет договор.

Анализ актуальных решений российских государственных арбитражных судов, вынесенных за последние несколько лет по коммерческим спорам, связанным с применением ст. 451, свидетельствует о сдвиге в судебном подходе к данной норме. Важную роль в этом сыграли последствия COVID-19.

В свое время Верховный Суд Российской Федерации указал, что эпидемиологическая обстановка, введение ограничительных мер или режим самоизоляции могут быть признаны существенным изменением обстоятельств, если иное не предусмотрено договором и не вытекает из его существа³⁹. Суды были склонны относить влияние COVID-19 и его последствий к существенному изменению обстоятельств, но не к обстоятельствам форс-мажора (непреодолимой силы) [Алимова Я.О., 2022: 56–58]. Признавая наличие соответствующих обстоятельств, правоприменители преимущественно прекращали договор⁴⁰, но опора на институт существенного изменения обстоятельства и его возможности позволили тем не менее нижестоящим судам вынести несколько решений об адаптации договоров, на которые повлияла пандемия⁴¹. В силу большой схожести санкционных ограничительных мер с мерами, вызванными пандемией COVID-19, первые вполне могут быть отнесены к случаям существенного изменения обстоятельств, если это согласуется с содержанием договора.

Постепенно, хотя и чрезвычайно медленно и порой противоречиво, развивается практика применения ст. 451 к случаям изменения обстоятельств под воздействием санкционного регулирования и принятых ответных антикризисных мер. Как отмечают практикующие

³⁹ Ответ на вопрос 8 Обзора по отдельным вопросам судебной практики № 1, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁰ См., напр.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2020 № 08АП-12794/2020 по делу № А70-11П351/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.04.2021 № Ф07-2637/2021 по делу № А13-8875/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.04.2022 № Ф07-3627/2022 по делу № А56-36227/2021 // СПС Консультант Плюс.

⁴¹ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.12.2021 № Ф04-81/2021 по делу № А81-6169/2020; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.10.2021 № Ф06-7129/2021 по делу № А57-19127/2020, в которых суды продлили сроки договоров аренды земельных участков // СПС КонсультантПлюс.

юристы, в целом суды применяют данную статью, если санкции привели к невозможности осуществлять действия, влияющие на исполнение договора, однако при этом общеэкономические плоды санкций не учитываются⁴². Такой вектор следует признать оправданным.

Согласуясь со сложившимся в судебном сообществе крайне осторожным отношением к адаптации, при признании судом тех или иных санкционных обстоятельств существенными для тех или иных договорных отношений, суд предпочитает следовать по более простому пути и прекращать договор. Это имело место в следующих ситуациях: в одном споре правоприменитель признал основанием для расторжения договора поставки невозможность поставить товар из-за наличия в нем иностранных комплектующих, поставка которых прекращена в связи с санкциями⁴³, в другом деле суд расторг договор поставки по причине приостановления деятельности в России завода-изготовителя товара вследствие санкций⁴⁴.

Интересно, что в схожем споре правоприменительный орган отказал в расторжении договора поставщику, который ссылаясь на приостановку отгрузок товара иностранным производителем из-за санкций, но, как выяснилось, мог приобрести необходимый товар не напрямую у производителя, а у третьего лица или предложить поставить аналогичный товар другого производителя⁴⁵. Однако до конца начатую инициативу изменения договора суд не довел, ограничившись вышеприведенным замечанием в тексте решения. Еще одно дело не завершилось адаптацией договора, которой требовал истец-поставщик, поскольку суд решил отказать в запрашиваемом увеличении цены контракта, обоснованном в иске резким повышением цен из-за зарубежных санкций⁴⁶. Имеются и иные примеры санкционных споров, завершившиеся прекращением контракта, но не его изменением. Таким образом, как и прежде, преимуществен-

⁴² Санкции как основания для расторжения договора (презентация юридической фирмы «Кульков, Колотилов и партнеры» от 15.06.2022). Available at: URL: https://kkplaw.ru/files/Kulkov_Sanctions_RAA_15.06.2022.pdf (дата обращения: 11.05.2025)

⁴³ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.09.2023 № Ф07-10822/2023 по делу № А56-106859/2022 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.11.2023 № Ф03-3831/2023 по делу № А37-2093/2022 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.08.2023 № Ф02-3728/2023 по делу № А10-4385/2022 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁶ См.: Решение Арбитражного суда Республики Коми от 15.11.2022 по делу № А29-7006/2022 // СПС Консультант Плюс. При этом для некоторых видов договоров закон напрямую предусматривает основания требовать их изменения в части цены (п. 2 ст. 450, п. п. 1, 4 ст. 451, п. 1 ст. 475, п. 4 ст. 614 ГК).

но суды не готовы заниматься адаптацией договоров, несмотря на то что в санкционных условиях такая возможность необходима, и для этого, как видно, имеются основания, которые отмечают сами суды.

Тем не менее в условиях санкций постепенно создается практика адаптации российскими судами договорных условий⁴⁷, хотя ее трудно признать единообразной. Например, в одном из дел, рассмотренном в 2019–2020 гг., то есть еще до эскалации санкционного противостояния, начавшегося в 2022 г., суды Московского округа удовлетворили требование истца о внесении изменений в договор о хранении грузов (буровых установок) в части исключения из договора арбитражной оговорки и замены ее на пророгационную оговорку, предусматривающую рассмотрение споров в российском государственном арбитражном суде, а также указания на применимое российское право к договору⁴⁸. Судебные акты по данному делу не бесспорны: одобряя указанные существенные изменения в договоре, суды недостаточно подробно исследовали вопросы, связанные с особенностями применения ст. 451. Основанием удовлетворения требований явилась поддержанная судом аргументация, что арбитражная оговорка ставит иностранное лицо (ответчика) в преимущественное положение по сравнению с истцом, поскольку в условиях действия санкционного режима в отношении истца его возможности защиты своих прав и экономических интересов существенно ограничены. По мнению автора, такое обоснование внесения изменений в договор нельзя признать законным и последовательным.

Редкий пример успешно реализованной адаптации договорных обязательств содержится в судебных решениях 2022–2023 гг., вынесенных по спору между «Феррони Тольятти», «Феррони Йошкар-Ола» и «Лизинговой компании “Сименс Финанс”»⁴⁹. Суды в данном деле заняли активную позицию, оказав поддержку потерпевшей в результате санкций стороне и вернув договорное равновесие, внося

⁴⁷ См., напр.: Постановление Тринадцатого апелляционного арбитражного суда от 27.01.2016 по делу № А42-5382/2015 // СПС Консультант Плюс. В данном деле суд отказал в расторжении договора со ссылкой на противоречие прекращения договора общественным интересам.

⁴⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.07.2020 № Ф05-6602/2020 по делу № А40-149566/2019 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.01.2023 № Ф08-13508/2022 по делу № А32-13267/2022; Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28.06.2022 и Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2022 по делу № А32-13267/2022; Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2023 № 308-ЭС23-6441 по делу № А32-13267/2022 // СПС Консультант Плюс.

изменения в коммерческий договор (скорректировав графики лизинговых платежей)⁵⁰.

Заключение

Экономические показатели и полезность договорных отношений в решающей степени зависят от того, насколько оперативно стороны адаптируются к меняющимся условиям, а право и правореализация должны способствовать этому. Санкционные ограничения и анτισанкционные меры служат лакмусовой бумажкой проверки жизнеспособности и зрелости доктрины затруднений (существенного изменения обстоятельств) как во внутреннем российском обороте, так и на международном уровне. Хотя ряд ситуаций, вызванных санкционным воздействием, может оказаться более близким к доктрине форс-мажора (непреодолимой силе), а часть из них будет отнесена к сфере обычного предпринимательского риска, останется значительная — возможно, даже преобладающая доля договорных отношений, для которых сохраняется возможность исполнить обязательства, пусть и более обременительным способом. Для смягчения экономического бремени потерпевшим контрагентам потребуется обратиться к институтам национального гражданского права и международного коммерческого права, воплотившим доктрину затруднений.

В развитых континентальных правовых порядках (Германия, Франция) нормы законодательства об адаптации позволяют судье или арбитру изменить условия договора, и данный выбор преобладает по отношению к прекращению договорной связи. Адаптация может произойти, если новые обстоятельства исполнения контракта создают значительный дисбаланс в данных правоотношениях, а стороны не справились с пересмотром условий самостоятельно и просят суд/арбитраж вмешаться. В российском праве механизм судебной адаптации договора под влиянием изменившихся обстоятельств начал развиваться в практике на фоне последствий, вызванных пандемией COVID-19, признанных существенными. Санкционный режим послужил очередным катализатором этого процесса, создав судьям масштабное поле деятельности для интервенции в коммерческие контракты.

В России преобладающей судебной стратегией остается прекращение договорных обязательств при существенном изменении об-

⁵⁰ Спор против «Лизинговой компании “Сименс Финанс”» (после переименованной в «Дельтализинг») примечателен тем, что в нем зарубежные политические и экономические санкции прямо квалифицированы для рассматриваемой в деле ситуации в качестве случая существенного изменения обстоятельств по ст. 451 ГК РФ.

стоятельств. Вместе с тем результат таких решений влечет большую опасность для трансграничных деловых связей, нежели изменение договора, поскольку подобная практика множит число неисполненных сделок, еще больше дестабилизируя оборот и в конечном счете вредит национальным интересам. Дополнительным аргументом в поддержку изменения договора служат очевидные расходы контрагентов на поиск новых деловых партнеров и усилия, направленные на заключение альтернативных сделок. Наблюдается интересная тенденция: правовые системы с гибкими решениями — например, Германия и ее широкий подход к адаптации контракта — благоприятствуют «своим» компаниям, в то время как коммерсантам, подчиняющимся более жесткому национальному законодательству, грозит банкротство [Rösler H., 2007: 513]. Соответственно, адаптация выглядит перспективным способом защиты баланса экономических интересов контрагентов и поддержания устойчивости экономики нашей страны. В этом ключе полезно было бы реформировать положения ст. 451 ГК.

К сожалению, практика высших российских судов не содержит руководящих указаний насчет значимых деталей и особенностей запуска механизма адаптации договора в условиях существенного изменения обстоятельств. Было бы крайне желательно, чтобы отечественные судебная практика и доктрина последовали по пути выработки подобных стандартов с опорой на накопленный международный и зарубежный опыт.

Исторический экскурс (в частности, опыт Германии) показывает, что в чрезвычайные времена, переполненные глобальными проблемами бизнеса, институт затруднений и сопутствующая ему судебная адаптация занимают место обычного, а не экстраординарного способа правовой защиты. Адаптация договора, правовые основы которой, отвечающие вызовам современности, закреплены в законе, а стандарты, не позволяющие допустить злоупотреблений, отработаны образцовой судебной практикой, обладающей большим потенциалом и способной смягчить напряженность в договорных отношениях, а также равномерно распределить между участниками делового оборота экономические риски, связанные с беспрецедентным санкционным бременем.

Список источников

1. Алаева А.С. Сохранение и адаптация договора при изменившихся обстоятельствах: интеграция доктрины *hardship* в гражданское право Российской Федерации // Юрист. 2023. № 5. С. 43–48.

2. Алимова Я.О. Освобождение от исполнения обязательств по трансграничным и внутренним контрактам в связи с COVID-19: анализ судебной практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Том 26. № 1. С. 40–59.
3. Гландин С.В. Закон о праве подсанкционных лиц переносить судебные споры в Россию: причины и предпосылки // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 131–152.
4. Гуна А.Н. Арендная плата в пандемию. Перевод решения Федерального суда Германии от 12 января 2022 года XII ZR 8/21 и комментариев к нему // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 49–67.
5. Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 143–172.
6. Мишкович М. Акты государственных органов как форс-мажор в договорах международной купли-продажи нефти и газа // Государственная служба. 2023. № 4. С. 110–118.
7. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: автореф... дис. к. ю. н. М., 2015. 31 с.
8. Петрищев В.С. Существенное изменение обстоятельств: правоприменение ст. 451 и опыт стран общего и континентального права. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 60 с.
9. Пугинский Б.И., Амиров А.Т. Современный *Lex Mercatoria*. М.: Зерцало-М, 2023. 616 с.
10. Старженецкий В.В., Багрова Я.А. (Анти)санкционные оговорки в международных коммерческих контрактах // Закон. 2023. № 7. С. 123–145.
11. Фишич В.А. Концепции изменения обстоятельств в международном торговом обороте: затруднения (*hardship*), фрустрация (*frustration*) и иные // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8. С. 459–466.
12. Berger K.P. Power of Arbitrators to Fill Gaps and Revise Contracts to Make Sense. *Arbitration International*, 2001, no. 1, pp. 1–18.
13. Berger K.P., Behn D. Force Majeure and Hardship in the Age of Corona: A Historical and Comparative Study. *McGill Journal of Dispute Resolution*, 2020, no. 4, pp. 76–130.
14. Lando O., Beale H. Principles of European Contract Law. Parts I and II — Combined and Revised. The Hague: Kluwer Law International, 2000. 561 p.
15. Rösler H. Hardship in German Codified Private Law: In Comparative Perspective to English, French and International Contract Law. *European Review of Private Law*, 2007, vol. 15, pp. 483–513.
16. Yildirim A. Equilibrium in International Commercial Contracts: with Particular Regard to Gross Disparity and Hardship provisions of the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. Nijmegen: Wolf Publishers, 2011. 125 p.

References

1. Alaeva A.S. (2023) Preservation and adaptation of the contract under changed circumstances: integration of the doctrine of hardship into the civil law of the Russian Federation. *Jurist=Lawyer*, no. 5, pp. 43–48 (in Russ.)
2. Alimova Y.O. (2022) Release from fulfilling obligations under cross-border and domestic contracts in connection with COVID-19: analysis of judicial practice. *Vestnik*

Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki=Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, no. 1, pp. 40–59 (in Russ.)

3. Berger K.P. (2001) Power of arbitrators to fill gaps and revise contracts to make sense. *Arbitration International*, no. 1, pp. 1–18.

4. Berger K.P., Behn D. (2020) Force majeure and hardship in the age of corona: A historical and comparative study. *McGill Journal of Dispute Resolution*, no. 4, pp. 76–130.

5. Dozhdev D.V. (2018) Modification and cancellation of the contract due to a material change of circumstances: European legal tradition and modern trends. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*=Proceedings of the Institute of State and Law, vol. 13, no. 2, pp. 143–172 (in Russ.)

6. Fishich V.A. (2022) Concepts of change of circumstances in international trade turnover: hardship, frustration and others. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*=Issues of Russian and International Law, no. 8, pp. 459–466 (in Russ.)

7. Glandin C.V. (2021) Law on the right of sub-sanctioned persons to transfer judicial disputes to Russia: reasons and prerequisites. *Mezhdunarodnoe Pravosudie*=International Justice, no. 1, pp. 131–152 (in Russ.)

8. Guna A.N. (2023) Pandemic rent. Translation of decision of the German Federal Court of 12 January 2022 XII ZR 8/21 and commentary. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*=Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, no. 8, pp. 49–67 (in Russ.)

9. Lando O., Beale H. (2000) Principles of European contract law. Parts I and II — combined and revised. The Hague: Kluwer Law International, 561 p.

10. Miskovic M. (2023) Acts of state authorities as force majeure in international oil and gas sales contracts. *Gosudarstvennaya sluzhba*=Public Service, no. 4, pp. 110–118 (in Russ.)

11. Ochkhayev T.G. (2015) Modification and cancellation of the contract in connection with a material change of circumstances: Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 31 p. (in Russ.)

12. Petrishchev V.S. (2007) *Substantial change of circumstances: law enforcement of Art. 451 and the experience of countries of common and continental law*. Moscow: HSE Publishers, 60 p. (in Russ.)

13. Puginsky B.I., Amirov A.T. (2023) *Modern Lex Mercatoria*. Moscow: Zertsalo-M, 616 p. (in Russ.)

14. Rösler H. (2007) Hardship in German codified private law: in comparative perspective to English, French and international contract law. *European Review of Private Law*, vol. 15, pp. 483–513.

15. Starzhenetsky V.V., Bagrova Y.A. (2023) (Anti) sanctions clauses in international commercial contracts. *Zakon*=Law, no. 7, pp. 123–145 (in Russ.)

16. Yildirim A. (2011) *Equilibrium in international commercial contracts: with particular regard to gross disparity and hardship provisions of the UNIDROIT principles of international commercial contracts*. Nijmegen: Wolf Publ., 125 p.

Информация об авторе:

О.В. Фонотова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

O.V. Fonotova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted to editorial office 11.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.